

АССОЦИАТИВНО-ДЕРИВАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В ПРОЗВИЩАХ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Аннотация. В статье рассматриваются возможности использования приема языковой (ономастической) игры для создания прозвищ в молодежной среде; характеризуются ассоциативно-деривационные стратегии языковой игры с точки зрения проекции картины мира в языковом отражении прозвищ. В процессе анализа прозвищ современной молодежи (студенчества) устанавливается взаимосвязь явления демократизации языка и феномена языковой игры, нашедшего отражение в создании прозвищ. Деривационный анализ онимов позволяет утверждать, что создание данной языковой единицы зависит от лингвистических и экстралингвистических факторов. Результат рассмотрения действия этих факторов позволил сделать вывод, что в настоящее время наиболее популярным является процесс создания прозвищ под влиянием лингвистического фактора и актуализации ассоциативного потенциала имени собственного. Особое внимание в статье уделено изучению реализации языковой игры на уровне словообразования. Выявлены и описаны словообразовательные модели создания прозвищ в контексте приемов языковой игры и наличия/отсутствия ассоциативных стратегий в процессе ситуативной референции (усечение, каламбур, контаминация). Каждый описанный прием отражает многосторонний процесс, указывающий на системность словообразовательных моделей и соответствующих коннотаций, словообразовательного потенциала прозвищ. Делается вывод о том, что внутренняя форма прозвища, как правило, шире, чем просто мотивированность, так как объединяет в себе целый ряд разнообразных коннотативных признаков. В свою очередь, ассоциативно-деривационный анализ прозвищ помогает раскрыть многогранность онима с позиции отражения языковой картины мира молодежи.

Ключевые слова: прозвища; коннотации; языковая картина мира; языковая игра; молодежь; словообразование; словообразовательные модели; ономастика.

Fedotova T. V.
Krasnodar, Russia

THE ASSOCIATION-DERIVATION STRATEGIES OF A LANGUAGE GAME IN THE NICKNAMES OF MODERN YOUTH

Abstract. In article the possibilities of use of reception of a language (onomastichesky) language game for creation of nicknames among young people are considered; the associative and derivational strategy of a language game from the point of view of a world picture projection in language reflection of nicknames are characterized. In the course of the analysis of nicknames of modern youth (students) the interrelation of the phenomenon of democratization of the language and a phenomenon of a language game which found reflection in creation of nicknames is established. The derivational analysis of onim allows to claim that creation this language units depends on linguistic and extralinguistic factors. The result of the review of these factors allowed to draw a conclusion that now the most popular is process of creation of nicknames under the influence of a linguistic factor and updating of associative potential of a proper name. Special attention in article is paid to studying of realization of a language game at the level of word formation. Word-formation models of creation of nicknames in the context of receptions of a language game and existence/lack of associative strategy in the course of a situational reference (an uchecheniye, a pun, contamination) are revealed and described. Each described reception reflects the multilateral process indicating systemacity of word-formation models and corresponding connotations, word-formation potential of nicknames. The conclusion that the internal form of a nickname is, as a rule, wider, than just motivation as unites in itself a number of various connotive signs is drawn. In turn, the associative and derivational analysis of nicknames helps to disclose versatility of an onim from a position of reflection of a language picture of the world of youth.

Keywords: nicknames; connotations; language picture of the world; language game; the youth; word formation; word-building models; onomastics.

Для цитирования: Федотова, Т. В. Ассоциативно-деривационные стратегии языковой игры в прозвищах современной молодежи / Т. В. Федотова // Филологический класс. – 2019. – № 3 (57). – С. 81–85. DOI 10.26170/FK19-03-11.

For citation: Fedotova, T. V. The Association-Derivation Strategies of a Language Game in the Nicknames of Modern Youth / T. V. Fedotova // Philological Class. – 2019. – № 3 (57). – P. 81–85. DOI 10.26170/FK19-03-11.

Введение. Современное состояние русского национального языка характеризуется активностью процесса карнавализации, нашедшего отражение в проявлении феномена языковой игры во многих разрядах ономастической лексики. Сложившаяся ситуация в области имен собственных обнаруживает определенную специфику за счет экспликации в слове на фоне деривации онимов ассоциативных реакций номинатора, отражающих национальную специфику мышления, и актуализации «психически релевантных для носителей языка ассоциативных связей языковых знаков» [Гридина 2011: 219].

В этом аспекте наиболее продуктивная реализация лингвокреативного мышления наблюдается в таком творческом словообразовании, как языковая игра. Особенно ярко данное явление проявляется в образовании прозвищ современной молодежи, так как именно в период взросления формируются определенные привычки, черты характера, ассоциативные связи, воплотившиеся в прозвищах, которые, в свою очередь, выполняют заместительную функцию по отношению к личному имени и функционируют в социально и территориально ограниченной коммуникативной общности.

Прозвища в молодежной среде – наиболее активная сфера экспликации вербальных стимулов (единиц, вовлекаемых в процессы языковой игры) [Гридина 2011: 219], в качестве которых выступают имена собственные с этносоциокультурными коннотациями, закрепленными в сознании носителей языка и формирующимися безотносительно к существующим канонам возникновения имен собственных. В данном случае особенно актуальна мысль Т. А. Гридиной о том, что «объяснение природы креативности требует не столько анализа „продуктов“ творчества, сколько обнаружения скрытых от наблюдения характеристик самого творческого процесса и определения основных параметров проявления творческих способностей» [Гридина 2013: 5].

В настоящее время создание прозвища в молодежной среде происходит по двум основным причинам: удобству произношения (лингвистический фактор) и внешним физиологическим либо характерологическим признакам (экстралингвистический фактор). В центре нашего внимания находится деривационный аспект прозвищ в совокупности с актуализацией ассоциативного потенциала, т. е. проявление языковой игры в процессе создания данного вида онимов. Соответственно, **цель** статьи – проанализировать создание прозвищ с позиции проявления лингвистического фактора на фоне выявления актуальных тенденций в деривации прозвищ с опорой на ассоциативный потенциал имени собственного в ономастической игре.

Обсуждение и результаты. Для составления словника был использован опрос студентов Кубанского государственного аграрного университета, родившихся в 1996–2000 гг., в основе которого находилось анкетирование, выявляющее мотивы, реализуемые при создании прозвищ. Всего выявлено около 700 прозвищ. Исследование собранного материала позволило проанализировать деривационные процессы в соответствии с эксплицированными ассоциативными коннотациями в прозвищах молодежной сферы коммуникации.

Прозвища являются принадлежностью периферии антропонимического субполя и представляют собой факт социально и территориально ограниченной речи, функционируя, как правило, в сленговой среде [Супрун 2000: 102]. По мнению В. И. Супруна, «прозвища, псевдонимы и пр. являются не основным, а дополнительным именем, у большинства членов этноязыкового коллектива они отсутствуют. Кроме того, прозвища создаются не самим адресатом, а людьми, контактирующими с ним, и могут использоваться при контакте с носителем или только заглазно» [Супрун 2000: 96].

Многообразие работ по изучению прозвищ (А. А. Пашкевич (2006), Е. С. Шостка (2009), Г. Б. Мадиевой (2010), В. И. Супруна (2010), О. В. Фельде (2010), А. С. Щербак (2010)) позволяет говорить о значительном объеме ключевых параметров анализируемых онимов (семантическая наполненность, оценочность, деривационно-мотивационный и исторический аспекты, возрастные особенности номинаторов, сленговая трансонимизация, аспекты лексикографической параметризации русского прозвища и т. д.) и, соответственно, об актуальности рассматриваемого вопроса.

Прежде чем анализировать прозвища в деривационном аспекте, необходимо отметить наличие/отсут-

ствие проявления фатической функции данных онимов в процессе коммуникации, так как от этого зависит весь процесс создания онима. Как правило, прозвища создаются по двум принципам: 1) для контактной коммуникации с субъектом, имеющим прозвище; 2) для дистантной коммуникации между членами сообщества и субъектом, имеющим прозвище.

При контактной коммуникации номинатор вкладывает в прозвище позитивную либо нейтральную коннотацию, чтобы не вызывать эмоционального дискомфорта при общении между членами коллектива и носителем прозвища. В свою очередь, дистантный принцип имянаречения чаще имеет негативную коннотацию, так как в таких прозвищах отмечается негативная черта характера либо отрицательно принимаемая физиологическая особенность. О таком прозвище номинируемый субъект может и не знать.

Отсюда следует, что принципы языковой игры могут быть использованы при обоих видах коммуникации с той лишь разницей, что для каждого вида коммуникации характерны свои ассоциативно-деривационные особенности создания прозвища с учетом наличия/отсутствия непосредственного восприятия прозвища субъектом, по отношению к которому это имя создается.

Прежде чем рассмотреть деривационные особенности и приемы языковой игры в создании прозвищ современной молодежи, необходимо заметить, что само понятие прозвища на сегодняшний день включает не только отличительные признаки человека, выделяемые зрением, но и фоносемантические особенности имени или фамилии номинируемого.

Данная позиция несколько отличается от сформировавшейся в языке точки зрения относительно понятия прозвища. Так, по мнению Н. В. Подольской, «прозвище – это неофициальное имя, данное человеку окружающими людьми в соответствии с его характерной чертой, сопутствующим его жизни обстоятельством, по какой-либо аналогии, по происхождению и другим мотивам» [Подольская 1988: 111]. Этой же позиции придерживаются А. С. Щербак (2006), Е. С. Шостка (2009) и др. Соответственно, анализ формирования данных онимов предполагает учет лингвистических факторов, в первую очередь, во взаимосвязи с экстралингвистическими мотивами.

Если говорить о феномене языковой игры в сфере имен собственных (ономастическая игра), то следует отметить, что данное явление как форма лингвокреативного мышления представляет собой симбиоз языковых приемов (орфографических, словообразовательных, морфологических) во взаимосвязи с актуализацией ассоциативного потенциала имени собственного. Кроме того, важным моментом при образовании прозвища выступает намерение номинатора привлечь внимание воспринимающего субъекта, т. е. эстетический показатель учитывается при создании прозвища априори.

Охарактеризуем словообразовательные модели создания прозвищ в контексте приемов языковой игры и наличия/отсутствия ассоциативных стратегий в процессе ситуативной референции.

1. Усечение. Наиболее распространенный вид прозвищ в студенческой среде, в основе которого лежит

принцип именованья преподавателями учащихся по фамилии. Первокурсники, объединенные в студенческие группы, имеют мало информации друг о друге. Соответственно, первый информационный знак о члене коллектива – его фамилия, которая становится основой для создания прозвища в силу того, что коллективное общение не предполагает именование по фамилии. Кроме того, данный процесс наблюдается и при усечении имени, если имя трудно запоминаемое или длинное. В ситуации усечения фамилии можно выделить несколько подвидов.

1.1. Простое усечение происходит путем сокращения фамилии без учета характеристик объекта. При этом образованное прозвище должно быть не простым набором звуков, возникших при сокращении, а должно соотноситься с конкретным апеллятивом, который иногда выступает основой фамилии либо просто созвучен известному имени нарицательному: *Воробьев – Воробей; Клопов – Клоп; Медведев – Медведь; Сыров – Сыр; Медянский – Медный; Ковальская – Коваль; Сидельников – Седло; Ключиченко – Ключка; Позорин – Зорин; Вишнякова – Вишня; Филимонов – Филя; Ножкин – Нога; Гречишников – Грек; Поточенко – Поток; Скрипченко – Скрипка; Кононенко – Конь; Босенко – Босый; Жарких – Жара; Шевченко – Шеф; Кучерявый – Кучер; Коченков – Кочан; Крышопина – Крыша; Ендовицкий – Енот; Пономарев – Пан; Сутьянов – Суп; Небесный – Бес; Жидков – Жид; Комаричев – Комар; Бельчанская – Белка; Кольскова – Колесо; Коленченко – Колено и т. д.* В любом случае номинатор создает прозвище по определенным звуковым ассоциациям, ориентируясь на свой словарный запас и соотнося прозвище с функционирующим в русском языке апеллятивом.

Кроме того, можно выделить группу прозвищ, где усечение происходит исключительно по принципу максимального упрощения для простоты привлечения внимания, без использования каких-либо ассоциаций в силу их отсутствия (*Наливайко – Нали; Бочаров – Бочар; Рябинина – Ряба*), либо на основе звуковых ассоциаций, близких по звучанию к сокращенному прозвищу: *Наливайко – Нали; Бочаров – Бочар; Рябинина – Ряба; Чулпанова – Чулта; Лопосов – Лопас; Сабадухин – Саба; Каперский – Капа; Халишевич – Хала; Маркосов – Маркос; Ключков – Ключ и т. д.*

Немаловажен тот факт, что молодежь, создавая прозвища, стремится в большей степени использовать уже существующую в языке лексику. Поэтому количество онимов, созданных на основе фонетических ассоциаций, значительно превышает число онимов, образованных только на основе усечения фамилии безотносительно к каким-либо ассоциациям.

В лингвистической литературе по отношению к описанному явлению используется понятие паронимазии, т. е. стилистической фигуры, основанной на комическом сближении сходных по звучанию слов [Боброва 2016: 42]. Так, М. В. Боброва предлагает в качестве приемов создания подобных прозвищ такие, как обыгрывание паронимазов *Доценко – Доцент*, ложную дестимологизацию (*Киселев – Киса*), обыгрывание синонимов (*Лада – Жигули*) и т. п. Разновидностью такого явления можно считать и использование при паронимазии слов одного тематического поля: *Круглов – Квадрат*.

1.2. Усечение имени происходит по тем же принципам, что и усечение фамилии. Однако имя сокращает-

ся не по наличию звуковых ассоциаций по отношению к функционирующим в языке апеллятивам (*Филинов – Филин*), а посредством употребления уменьшительной формы имени собственного: *Татьяна – Тана; Екатерина – Рина; Антон – Тоня, Тоха; Диана – Диша; Сергей – Серый; Оксана – Окси; Ксения – Ксю* и др.

2. Каламбур. Как известно, данный прием предполагает использование игры слов, сходно звучащих, но различных по значению. В нашем случае можно говорить о замене апеллятива, к которому восходит фамилия, имя или отчество, другим словом, где определяющими мотивами выступают: 1) звуковое сходство имени собственного и имени нарицательного (*Даша → Доширак; Сартыков → Сырок; Кристина → Киндер; Репин → Рэп; Цапина → Вотсапина; Никифорович (отчество учителя) – Кефир; Анастасовна (отчество) – Ананас; Марковна (отчество) → Морковка; Маринка → Мандаринка; Пак → Покемон; Миша → Мешок*); 2) мотивировочная связь имен (*Краснов → Красный; Чижова → Чижик; Круглов → Круглый*); 3) сходство частей фамилии и прозвища (*Полина → Польдегид; Белая → Белка; Рец → Огурец; Пасечиков → Пасха; Владимирчук → Чукча; Лишняк → Лишай; Самохвалова → Самосвал; Валерия → Валерианка; Лубенец → Цец; Богомаз → Богомол; Левенец → Леденец*) и т. п.

Важным процессом, влияющим как на создание прозвища, так и на его восприятие, является интерпретация [Бабина 2014: 285]. В данном случае мы берем за основу узкое понимание, описываемое Н. Н. Болдыревым как «процесс и результаты субъективного понимания и объяснения человеком мира и себя в этом мире, процесс и результат субъективной репрезентации мира, основанной, с одной стороны, на существующих общечеловеческих представлениях о мире и, с другой стороны, на его личном опыте взаимодействия с ним» [Болдырев 2012: 87]. Можно предположить, что интерпретация с позиции создателя каламбуров в прозвищах основана на желании автора онима продемонстрировать свое остроумие, которое реализуется через умение манипулировать образными ресурсами языка в процессе экспрессивизации речи. Причем, как правило, «ассоциативный потенциал слова становится мотивирующей базой при образовании нового слова посредством метафоры» [Щербакова 2012: 261].

3. Контаминация. Это явление в последние десятилетия получило широкое распространение. Данный прием предполагает «объединение в речевом потоке структурных элементов двух языковых единиц на базе их структурного подобия или тождества, функциональности или семантической близости» [Бельчиков 1990: 256]. Как отмечает Е. М. Ретунская, «контаминация характеризуется не просто механическим сокращением исходных слов, а намеренным, семантически мотивированным их стяжением, созданием абсолютно нового, оригинального слова из двух „осколков“, как правило, с новым предметно-логическим значением» [Ретунская 1996: 95]. В результате наблюдается формирование коннотативных оттенков как в негативном, так и в позитивном аспекте. Необходимо отметить, что слово, возникшее в процессе контаминации, объединяет несколько смыслов, которые вызывают в сознании реципиента цепочку ассоциаций. Можно выделить две разновидности этого приема.

3.1. Наложение слов, при котором каждая из частей теряет самостоятельность: *Рома Новиков* → *Ромиков*; *Павел Халк* → *Пахалк*. Этот прием широко распространен в школьной среде при образовании учащимися прозвищ учителей. Студенты-первокурсники приводят примеры из этой области, так как, по их мнению, эти прозвища были широко распространены и были удобны при использовании в общении школьников. Создание прозвища происходило как механически (сокращение + объединение), так и без каких-либо коннотаций (*Елена Валентиновна* → *Элвин*; *Юлия Самуиловна* → *Юмас*), а также путем сокращения и объединения частей, но с отсылкой к прецедентному имени. Причем, сам процесс в такой референтной ситуации больше ориентирован не столько на сокращение частей имени и отчества, сколько на создание прозвища, идентичного прецедентному имени собственному. В качестве примеров могут служить следующие прозвища: *Наталья Федоровна* → *Нафая*; *Галина Федоровна* → *Галифэ*.

3.2. Объединение сокращенных частей имени и отчества без каких-либо ассоциаций и аффиксации при создании прозвища. Основная цель таких образований – удобство при произношении в речевом потоке: *Виктор Николаевич* – *ВитяКоля*; *Светлана Александровна* – *СанСана*; *Валентина Васильевна* – *ВаляВася* и под.

4. Экспрессивная аффиксация. Данный вид прозвищ создается как результат взаимодействия лингвистического и экстралингвистического факторов. Номинатор, сокращая имя или фамилию, добавляет аффикс, как правило, с уменьшительно-ласкательным значением, что является показателем отражения положительных качеств реципиента и, соответственно, позитивного отношения к нему создателя или группы создателей прозвища. Чаще всего такими прозвищами награждают учителей: *Валентина Николаевна* – *Валёк*; *Галина Михайловна* – *Галушка*; *Капитолина Алексеевна* – *Капитоша*, *Светлана Дмитриевна* – *Светлаша*. Сюда же можно отнести телескопическое словообразование, где при наложении частей создаются общие элементы в слове: *Татьяна Петровна (учитель ботаники)* – *Ботанюха*.

Заключение

Анализ прозвищ, функционирующих в молодежной среде и созданных без учета экстралингвистических признаков (черт характера, особенностей внешности и поведения), позволяет констатировать следующие выводы:

- образование прозвища – многосторонний процесс, где учитываются как системность словообразовательных моделей, так и коннотации, привносимые апеллятивом или прецедентным именем, используемые на основе определенных ассоциаций;
- использование переключения ассоциативного стереотипа восприятия имени в новое русло способствует созданию определенных коннотаций прозвища;
- эффект ассоциативного наложения семантических оттенков апеллятивной и ономастической лексики приводит к созданию каламбура, что увеличивает возможности приема языковой игры в плане создания ассоциативно-деривационных стратегий;
- интерпретация прозвища с позиции ассоциативно-деривационных связей раскрывает многогранность данного вида онимов в аспекте отражения индивидуального и коллективного сознания, а также в аспекте отражения вариативности речевого творческого потенциала современной молодежи;
- часто завуалированная мотивировка прозвища приводит к возрастанию роли косвенных смыслов, аллюзий, намеков, указывающих на прагматическое значение прозвища, которое способны воспринять только члены данного социума [Арутюнова 1990].

Распространение языковой игры в современных средствах коммуникации достаточно очевидно. Соответственно, языковую реальность настоящего времени можно назвать деривационной, поскольку говорящий человек творит свой неповторимый мир, создавая массу новых слов, порожденных его языковым сознанием [Виданов 2012: 217].

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова Н. Д. Прагматика // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С. 389–390.
- Бабина Л. В. Приемы создания комического смысла демотиватора // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2014. – № 16. – С. 284–288.
- Бельчиков Ю. А. Контаминация // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 256.
- Боброва М. В. Языковая игра в современных прозвищах жителей Пермского края // Уральский филологический вестник. Серия: Русская литература XX–XXI веков: направления и течения. – 2016. – № 2. – С. 38–49.
- Болдырев Н. Н. Категориальная система языка // Когнитивные исследования языка. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2012. – С. 17–120.
- Виданов Е. Ю. Аналитизм и языковая игра: к постановке проблемы // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. – 2012. – № 2. – С. 214–217.
- Гридина Т. А. Этносоциокультурный контекст ономастической игры // Политическая лингвистика. – 2011. – № 1. – С. 219–223.
- Гридина Т. А. К истокам вербальной креативности: творческие эвристики детской речи // Лингвистика креатива-1. – Екатеринбург, 2013. – С. 5–59.
- Мадиева Г. Б., Супрун В. И. Антропонимы как средство выражения национальной культуры // Известия ВГПУ. – 2010. – № 6. – С. 96–102.
- Пашкевич А. А. Структурные особенности сложных прозвищ и кличек. – URL: cyberleninka.ru/article/n/strukturnye-osobennosti-slozhnyh-prozvisch-i-klichek (дата обращения: 10.07.2018).
- Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. – М.: Наука, 1988. – С. 111.
- Ретунская Е. М. Английская аксиологическая лексика. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 1996. – 250 с.
- Супрун В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: монография. – Волгоград, 2000. – 172 с.
- Фельде О. В. Лик постсоветской России в зеркале прозвищ // Вестник ТГПУ. – 2010. – № 6. – С. 25–28.
- Шостка Е. С. Современные прозвища, соотносимые с древнерусскими // Вестник ТГУ. – 2009. – № 6. – С. 275–278.

- Щербак А. С. Проблемы изучения региональной ономастики. Ономастикон Тамбовской области: монография. – Тамбов, 2006. – С. 147–168.
- Щербак А. С. Региональные прозвища: вторичная номинация // Вестник ТГУ. – 2010. – № 10. – С. 150–154.
- Щербак Н. Н. Морфемная и семантическая деривация в процессе языковой игры // Лингвистика креатива-2. – Екатеринбург, 2012. – С. 259–272.

REFERENCES

- Arutyunova, N. D. (1990). Pragmatika [Pragmatics]. In *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'*. Moscow, pp. 389–390.
- Babina, L. V. (2014). Priemy sozdaniya komicheskogo smysla demotivatora [Techniques for Creating a Comic Meaning of a Demotivator]. In *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki*. No. 16, pp. 284–288.
- Bel'chikov, Yu. A. (1990). Kontaminatsiya [Contamination]. In *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'*. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, pp. 256.
- Bobrova, M. V. (2016). Yazykovaya igra v sovremennykh prozvischakh zhitelei Permskogo kraya [Language Game in Modern Nicknames of Residents of Perm Region]. In *Ural'skii filologicheskii vestnik. Seriya: Russkaya literatura XX–XXI vekov: napravleniya i techeniya*. No. 2, pp. 38–49.
- Boldyrev, N. N. (2012). Kategorial'naya sistema yazyka [Categorial System of Language]. In *Kognitivnye issledovaniya yazyka*. Moscow, Institut yazykoznaniya RAN, Tambov, Izdatel'skii dom TGU im. G. R. Derzhavina, pp. 17–120.
- Fel'de, O. V. (2010). Lik postsovetsoi Rossii v zerkale prozvisch [The Lick of Post-Soviet Russia in the Mirror of Nicknames]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. No. 6, pp. 25–28.
- Gridina, T. A. (2011). Etnosotsiokul'turnyi kontekst onomasticheskoi igry [Ethnocultural Context of Onomastic Game]. In *Politicheskaya lingvistika*. No. 1, pp. 219–223.
- Gridina, T. A. (2013). K istokam verbal'noi kreativnosti: tvorcheskoe evristiki detskoj rechi [To the Origins of Verbal Creativity: Creative Heuristics of Children's Speech]. In *Lingvistika kreativa-1*. Ekaterinburg, pp. 5–59.
- Madieva, G. B., Suprun, V. I. (2010). Antroponimy kak sredstvo vyrazheniya natsional'noi kultury [Anthroponyms as a Means of Expressing National Culture]. In *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. No. 6, pp. 96–102.
- Pashkevich, A. A. Strukturnye osobennosti slozhnykh prozvisch i klichek [Structural Features of Complex Nicknames and Names]. URL: cyberleninka.ru/article/n/strukturnye_osobennosti_slozhnykh-prozvisch_i_klichek (mode of access: 10.07.2018).
- Podol'skaya, N. V. (1988). *Slovar' russkoi onomasticheskoi terminologii* [Dictionary of Russian Onomastic Terminology]. Moscow, Nauka. 111 p.
- Retunskaya, E. M. (1996). *Angliiskaya aksiologicheskaya leksika* [English Axiological Vocabulary]. Nizhny Novgorod, Nizhegorodskii gosudarstvennyi universitet. 250 p.
- Shcherbak, A. S. (2006). *Problemy izucheniya regional'noi onomastiki. Onomastikon Tambovskoi oblasti* [Problems of Studying Regional Onomastics. Onomasticon of the Tambov Region]. Tambov, Tambovskii gosudarstvennyi universitet, pp. 147–168.
- Shcherbak, A. S. (2010). Regional'nye prozvischcha: vtorichnaya nominatsiya [Regional Nicknames: Secondary Nomination]. In *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 10, pp. 150–154.
- Shcherbakova, N. N. (2012). Morfemnaya i semanticheskaya derivatsiya v protsesse yazykovoi igry [Morphemic and Semantic Derivation During Language play]. In *Lingvistika kreativa-2*. Ekaterinburg, pp. 259–272.
- Shostka, E. S. (2009). Sovremennye prozvischcha, sootnosimye s drevnerusskimi [Modern Nicknames Related to Ancient Russian]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 6, pp. 275–278.
- Suprun, V. I. (2000). *Onomasticheskoe pole russkogo yazyka i ego khudozhestvenno-esteticheskii potentsial* [Onomastic Field of Russian Language and its Artistic and Aesthetic Potential]. Volgograd. 172 p.
- Vidanov, E. Yu. (2012). Analitizm i yazykovaya igra: k postanovke problemy [Analyticism and Language Play: to Putting the Problem]. In *Ural'skii filologicheskii vestnik. Seriya: Yazyk. Sistema. Lichnost': lingvistika kreativa*. No. 2, pp. 214–217.

Данные об авторе

Федотова Татьяна Васильевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и речевой коммуникации, Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина (Краснодар).
Адрес: 350044, Россия, г. Краснодар, ул. Калинина, 13.
E-mail: Fedotova66@mail.ru.

Author's information

Fedotova Tatyana Vasilievna – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian Language and Verbal Communication, Kuban State Agricultural University named after I. T. Trubilin (Krasnodar).